

18+

ЭЛИНА БАКМАН КОГДА УМИРАЕТ КОРОЛЬ

триллер

МИ∞

*Как прекрасна земля,
Как возвышенно небо.
На цветистом пригорочке —
Пение птиц.
Но темны эти воды,
Как темны эти воды...*

МУЗЫКА И СЛОВА: КАРИ РЮДМАН

*Я никогда не взберусь на те горы, я никогда не засну
безмятежно под теми же звездами, что и Тимоти,
В диких землях, вдали от одиночества.
Вокруг ног твоих увивались лисицы —
шли с тобой до самого конца,
Вокруг ног твоих увивались лисицы —
шли с тобой прямиком в твои сны,
И они шли с тобой...
В дикие земли, прочь от одиночества...*

BURNING HEARTS, «INTO THE WILDERNESS».

СЛОВА: ДЖЕССИКА НОЙМАН, МУЗЫКА: ГЕНРИ НОЙМАН

*Куда сильнее нас ужасает безмолвный тролль,
нежели тот, который вопит и беснуется.*

АЛЕКСИС КИВИ, «КУЛЛЕРВО» (1859, 1864)

РЕЧНЫЕ ДЕВЫ

Они — Речные девы. Они крадутся к потоку в предрасветный час, под первые песни дроздов. Когда земля еще влажная, податливая и мягкая. Густая дымка поглаживает темные воды, напуская таинственности на все вокруг. По коже пробегает озноб. Они снимают одежды, добираются до середины реки и замирают, ожидая, когда вода впустит их. Сначала — вода, а после — туман. Мелкими глоточками пьют они зелье из своих туесков — всегда на одном и том же камне, всегда столько, сколько нужно. Затем преподносят дары речному порогу. Ненасытный, он хочет утащить на дно их души, их невинность, безмолвие, тайну. Жертва принята — они танцуют и ждут. Они внемлют нарастающему шуму и отдаются потоку, чувствуя на коже прохладные объятия тумана, впитывая красоту — немую и незримую, проникающую в каждую клеточку их тел. Река дает им напиться из потока, птицы чаруют созвучием своих голосков, воздух дышит благодарью, какой на суше нет и никогда не будет. Они очистились. Им легко, они смеются: у них есть тайна. Они все еще ждут, но напрасно. Надеются, ведь надежда напрасной не бывает. Они уходят вместе с ночью, когда в мглистые сумерки едва прокрадывается ясное утро. До краев наполненные жизнью, они прощаются с потоком.

Они — Речные девы.

СЕНТЯБРЬ 1989, ХАРТОЛА

Сегодня Харри Валкама пришел в магазин первым. Как и всегда, он взял с полки буханку ржаного хлеба, из молочного отдела вышел с литровым пакетом молока, из мясного — с двухсотграммовым куском ароматного карбонада. Все по старой схеме. Перекус для рыбалки, раннее утро и приятное предвкушение. Немного не дойдя до кассы, Харри пробежал глазами свежие заголовки газет, после чего принялся выкладывать покупки на ленту.

— За рыбкой собрались? — поинтересовалась кассирша.

— За ней, родимой, — ответил Харри и привычным жестом сгреб все в сумку-холодильник.

— Чек нужен?

— Только если милая барышня оставит на нем свой номер, — подмигнув, ответил Харри. Обмен шуточками с кассиршей стал своего рода традицией и задавал тон едва начавшемуся дню. В магазине Харри неожиданно для себя превращался в остряка-ловеласа.

На часах было 07:10, когда Харри Валкама завел свою легковушку и поехал напрямик к речке Тайнионвирте. Рассвет был ласковым и предвещал жаркий день. Харри Валкама оставил машину на обочине и побрел пешком в сторону русла реки. В одной руке перекус и складной стульчик, в другой — удочка и рыболовный ящик. Дойдя до места, он глубоко вдохнул. Разложил стульчик, поставил рядом сумку-холодильник и открыл ящик. Особо не раздумывая, он достал одну из своих любимых блесен, чтобы возложить на нее чересчур оптимистичные рыбацкие надежды. В полвосьмого наживка наконец плюхнулась в воду. Сентябрьское солнышко ярко поблескивало

сквозь деревья. В рыболовном календаре этот день был помечен как «чрезвычайно благоприятный».

В воздухе пахло землей и прощанием с пышностью лета. Соловьи, поскодившие с ума в июне, уже давно притихли, и, хотя день обещал быть по-летнему теплым, осенние нотки звучали все громче. Харри Валкама успел полюбить это утро и мысль о том, что природа будто дожидалась его, дабы вместе проснуться и шагнуть в новый день. Ему нравилось это святое единение.

Вопреки всем прогнозам рыба клевать отказывалась. Харри принялся задумчиво рассматривать завихрения воды в речном пороге, как вдруг его взгляд наткнулся на нечто инородное, кричаще выбивающееся из привычного пейзажа. Вдали, у самого берега, что-то бесформенное зацепилось за дрейфующее бревно и покачивалось на воде. Может, туша оленя или другого крупного животного? Любопытство Харри Валкамы росло тем быстрее, чем дольше он всматривался в поток. Он кое-как приставил удочку к березе и осторожно зашагал вдоль берега: хотел взглянуть поближе.

Подойдя, он остановился как вкопанный. Теперь стало понятно, что именно приковало его внимание. Онемев от ужаса, Харри Валкама всматривался в фигуру, приманившую его к себе. Белая кожа, черное платье — тонкое полотно пузырилось на воде. Человек. Когда в конце концов до мозга дошло все увиденное, Харри обессиленно плюхнулся на колени. Прямо перед ним в воде колыхалось навсегда скованное смертью тело. Оно зацепилось за древесное корневище, и потоку было не под силу отводить его и нести дальше. Вода тихонько убаюкивала покойницу. Совсем еще юную. Лежала она животом на воде,

будто всматриваясь в глубинную темноту безжизненным взглядом. Хорошо, что Харри не видел лица. Невольно он подмечал мелкие детали: черный лак на ногтях, металлический поясок, черное платье, босые ноги. Волосы, будто илистая пленка.

Жизнь так несправедлива... Вот о чем с горечью подумал Харри Валкама. Он зажмурился, однако штрихи этой картины уже отпечатались на сетчатке. Бранные слова, с которыми Харри Валкама нещадно боролся несколько лет, теперь зло роились на его языке. Нечестно, неестественно для молодой жизни вот так обрываться! Проклятье! Посмотрите на это, вашу мать! Оплачивая свое решение на рыбалку, он и подумать не мог, что выудит из потока чей-то труп. И тут на Харри накатило ощущение, будто природа предала его. События постепенно доходили до сознания. В красоте зарождающейся осени он вдруг отчетливо разглядел фальшь, дешевое надувательство. Его насильно погрузили в это гадкое представление — в спектакль, декорации которого в одно мгновение обвалились, демонстрируя равнодушие смерти, обнажая зло. Харри Валкама неуклюже поднялся с земли и, пыхтя и спотыкаясь, помчался к своей легковушке. Нужно было добраться до телефона. Немедленно.